

ВСЁ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ ЛЮБИМО К 90-летию со дня рождения Ивана Александрова

Иван Васильевич Александров – один из самых светлых, жизнеутверждающих поэтов Орловщины, из тех, кому, чтобы творить, нужна только родина.

Александров родился 15 февраля 1932 года в деревне Гудиловка Мценского района Орловской области. С детских лет ему был знаком сельский труд – и тот, что в радость, и тот, что в военное лихолетье тяжёлой, не по детским годам, ношей лёг на плечи мальчика.

«Война оборвала детство... В двенадцать лет пахал землю, косил луга, возил копны. Мне нравилось отбивать косы, справлять грабли, мастерить тележки... Всякое повидал и пережил», – вспоминал поэт.

Подросток – не воин, но сколько же в характере было поистине солдатского упорства, если работая в колхозе, он находил время успешно учиться и готовиться к поступлению в вуз. После школы Иван Васильевич окончил Тульский государственный педагогический институт, работал учителем, директором школы, инспектором районного отдела народного образования.

Потребность в поэтическом творчестве не пришла к нему в одночасье. Стихи Александров писал с детства, а впервые увидел своё стихотворение напечатанным в 1951 году в альманахе «Литературная Тула». В 1963 году в Орле вышла его первая книга «Подснежник», а за ней, в Туле в 1966-м – поэтический сборник «Земляника».

Иван Александров – автор четырнадцати книг стихотворений и прозы, член Союза писателей СССР с 1970 года. Его произведения включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края. XX век», публиковались во многих литературных журналах страны: «Подъём», «Москва», «Звезда», «Смена», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Форум», «Роман-журнал XXI век» и другие.

Иван Васильевич – лауреат Всероссийской литературной премии имени А.А. Фета (1995), лауреат Всероссийской премии «Вешние воды» (2006). Почётный гражданин города Мценска и Мценского района Орловской области.

Все его заслуги сложились на малой родине и посвящены ей, той, которая, как ни странно,местила всё, что люди говорят о родине, малой ли, большой, всё, что люди вкладывают в слова «счастье», «любовь», «жизнь».

«Я, наверное, счастливый человек, потому что через всю жизнь пронёс затаённую любовь к поэтическому слову и родному тургеневскому краю... Сельская жизнь, быт и традиции, труд и природа, роднички и речушки – всё это неизменно служило для меня источником творческого вдохновения», – говорил поэт.

Читателям, не знавшим трагедии войны, трудно понять, каково жить с такими воспоминаниями. Есть поэты, чьё творчество война окрасила оттенками скорби, на всю последующую жизнь они смотрят через беду, и за это их не осудишь. А есть те, кто особенно остро чувствует свет каждого дня, излучает и, что важно, проповедует обязанность жить, по возможности радостно, здесь и сейчас. Именно таковой выглядит творческая миссия Ивана Александрова.

Но при этом его поэзия не сплошной задор и восторг. Поэту есть о чём сокрушаться, с годами таких тем становится всё больше, но чистота, ясность идеи, всепроникающий свет добра, который чув-

стнуется даже в минорных стихотворениях – неотъемлемая составляющая творчества этого поэта, личная печать его вдохновения.

От любви к родному краю – так уж получается у тех, кто искренен в этом чувстве, – до переживаний за всех на земле дорога всегда коротка. Особенно, если сам многое повидал. Неправда, что человек, переживший горе, становится чёрствым и глухим к чужим страданиям. Не черствеет сердце у детей войны.

*Снова гибнут люди где-то,
Снова кровь и слёзы льют.
Только я представлю это,
Дыбом волосы встают.*

*Ясно вижу муки плена,
Слышу горький плач детей.
Каждый волос, как антенна,
Ловит боль и скорбь людей.*

С пережитыми испытаниями своя глубинка ещё дороже, ещё роднее. Кажется, всякая стёжка-тропка настрадалась вместе с поэтом. Каждая былинка на лугу одушевлена пусть только одним поэтическим даром, но и теперь, спустя годы после ухода из жизни Ивана Васильевича Александрова, душа этой былинки – капелька души самого поэта – живёт в немудрёных строках:

*Его ждала вдали удача
И полноводная река,
А он, стремительно горячий,
Рванулся в поле с большака.*

*А он по грядкам и канавам
Бежал, волнуясь и кипя,
И раздавал хлебам и травам
По капле самого себя.*

Всё любимо поэтом: тяжёлый труд, от которого в уставшем теле ликует душа, человек – немногословный суровый крестьянин, природа, сирая по осени, величественная зимой, весёлая, как соседская девчонка, весной и летом. Иногда всеобъемлющая любовь с тревогами, печалью, досадой порой и грустью сходятся в самом истоке большой русской души поэта – в милом, жертвенном образе мамы, семьи. Искренность подкупает читателя, через стихи открывающего для себя автора как личность.

Но, пожалуй, самые проникновенные, живые воспоминания о поэте как человеке хранятся в сердцах его друзей. О первых впечатлениях от поэзии Александрова, приведших к долгому, доброму дружеству, вспоминает композитор, певец, поэт Виктор Садовский: «Получив в подарок первые в своей жизни книги с автографом самого поэта, я окунулся в необычайно музыкальный, образный, светлый и простой язык поэзии Ивана Александрова, которую народный артист России орловец Пётр Воробьёв охарактеризовал однажды как «ностальгию по нравственной чистоте».

Александров и Садовский дружили сорок лет. Виктор Фёдорович написал очерк «Берёзы Мценской стороны», пронизанный теплом дружеской преданности, благодарностью за радость творческого общения, печалью об ушедшем друге, человеке, до последнего вздоха точно знавшем, зачем жил на свете.

Иван Васильевич Александров умер 18 сентября 2010 года, в пору, когда берёзы Мценской стороны, одетые в прощальное золото, лучатся кроткой благодарной любовью к белому свету, так похожей на бессмертную любовь поэта к своему малому отечеству.

Светлана ГОЛУБЕВА

Иван Александров

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной?
Такой дремучий и густой:
Взмахнешь – вязанка сена!

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея,
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Протяжен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабы жировала.
Земля хозяина ждала,
Звала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть
И верить в плодородие.
Я здесь учился жизнь любить,
Служить земле и родине.

Прошёл родитель пол-Европы,
Любил родитель вспоминать
Дороги, реки и окопы,
Что приходилось с боем брать.
Я обнимал его, робея,
А он смеялся: «Пощади!»

Скрипела грозно португепя,
Медаль горела на груди.
Я видел, что отец прекрасен,
Что он силён и знаменит,
Что он дорогой подпоясан
И весь дорогами обвит.

Мы рано детство потеряли
В чужой и дальней стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули на войне.

Нет, воз тот был не символический,
А самый грешный и земной,
Забитый тряпками обычными
И прочей кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесах.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

– А им-то легче, им-то легче? –
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.

– Ну, хорошо: давай немного,
Ещё немножко поднажмём! –
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъём.

Я до сих пор всё это вижу! –
Не вспоминать бы век о том,
Да за спиной порой услышу:
Мол, воз-то явно не по нём.

Прости меня, судья мой строгий,
Что по-мальчишески веду.
Я до сих пор по той дороге,
По той распутице бреду.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там ещё бредём.
Мы рано детство потеряли,
А взрослость –
Вряд ли обретём!

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выходил к нему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нёс торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Как пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звёзды зрели земляникой
Почти над самой головой.

Снова вижу матицу за печкой
И забитый в матицу крючок.
Песенкой весёлой и беспечной
Забавлялся в уголке сверчок.

Золотая бабушка Акуля,
Вспоминая молодость свою,
Медленно раскачивала люльку,
Напевала баюшки-баю.

Летним днём из молодого сада
В растворённый нараспашку дом
Затекала нежная прохлада,
Смешанная с мёдом и дымком.

Это только проблески сознания,
Неизбывный памяти листок.
Светлые в душе воспоминанья
Будит незатейливый крючок.

Быть бы мне бродягою-скитальцем,
Да всегда, из стороны любой,
Этим самым крючковатым пальцем
Матица зовёт меня домой.

Шумит над просекою ливень,
И мы, промокшие насквозь,
Стоим и жалуемся иве,
Что убежать не удалось.

И вдруг обрадовались дико,
Заметив чудо у столба:
Стыдливо рдеет земляника,
Прикрывшись зонтиком гриба.

ЖУРАВЛЁНОК

Николаю Старшинову

Отстал от стаи журавлёнок,
Присел на Бежином лугу
Среди кустов его зелёных,
Стопившихся на берегу.

Я головой ему киваю,
А он не хочет улетать.
Видать, он сам покинул стаю,
Своих товарищей и мать.

Печально крыльями качая,
Трубили в небе журавли
И, журавлёнка окликаая,
Никак дозваться не могли.

Ах, несмышлёныш, несмышлёныш,
Не миновать тебе беды.
А он стоит, замороженный,
У голубеющей воды.

Ну что же, дорогой, ну что же,
Рискуй во имя красоты.
Я сам с чудачествами тоже,
Я сам дурашливый, как ты.

ЛИСТОПАД

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Озорной листопад.

Листья весело кружатся
У людей на виду,
Оседая на лужицы,
На дорожки в саду.

Небо дышит прохладой,
Дождь стучит по плащу.
Ни на что не досадуя,
Лишь украдкой грущу.

Где ты, вешняя звончатость,
Переливчатый смех?
Вот и молодость кончилась,
Скоро выпадет снег.

Скоро всё запорошится:
И кусты, и трава,
И сырые дорожки,
И моя голова.

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Озорной листопад.

ПУЧОК КАЛИНЫ

Металась бабушка во сне,
Шепча бессвязно:
– Калинки мне, калинке мне,
Калинки красной.

Лежала бабушка, бледна,
В лихой простуде.
А в том саду была война,
Чужие люди.

Снялась из сада солдатня,
Ушли машины.
А возле камня, возле пня
Притихли мины.

Не трогай яблоню за ствол,
Не трогай ветку.
Уж подорвался рыжий вол,
Изранен Гнедко.

А дома в душевной тишине
Беда нависла:
– Калинки мне, калинки мне,
Калинки кислой...

И я бегу в запретный сад
Заглохшей тропкой.
И я ступаю в этот ад
Ногою робкой.

Повисла жизнь на волоске
Немецкой мины.
Но трепетал в моей руке
Пучок калины!

МИКУЛА

Поле, как в былине, за рекой,
Только не посвистывал оратай,
Не скрипела сошка под рукой,
Под его рукою узловатой.

День оглох от шума скоростей,
От лихого рокога и гула.
Узнаю тебя по борозде,
Озорной гудиловский Микула!

Ты меня за шутку не ругай,
Ибо я души в тебе не чаю:
Люди величают – Миколай,
Ну, а я Микулой величаю.

Не отнимешь –
Ладен и пригож!
Залюбуюсь иногда украдкой:
Шибко на Микулу ты похож
И лицом, и силою, и хваткой.

Я учил былину наизусть,
Ты прочёл по-своему былину:
Бросил сошку за ракивов куст
И охотно пересел в кабину.